

ГЛАВА 5

ЭЛИТА И РАЗВИТИЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ — РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

Данная глава объясняет то, как региональные идеологические вариации и характер внутриэлитных взаимоотношений влияют на эффективность власти и осуществление политики. Внимание здесь фокусируется на результатах деятельности локальных правящих групп, достигнутых в рамках реализации самопровозглашённых политических приоритетов. То есть, насколько региональные идеологические конструкции и целостности обладают потенциалом политико-экономического синтеза? Синтеза, достаточного для того, чтобы сформулировать сколько-нибудь завершённый тип локальной хозяйственной системы. Критерием регионального политического синтеза определена мера цельности и эффективности проводимой элитами политики. **Иными словами, способна ли региональная идеологическая целостность обеспечить кумулятивное приращение факторов продуктивности?** Обеспечивает ли законченный характер региональной идеологии столь же законченный характер локальной политико-экономической модели? Поддерживающим условием для этого, как показал анализ в предыдущей главе, служит определённый уровень внутриэлитной интеграции.

Достижения в этой сфере являются своего рода ключом к разгадке (клавиатурой) потенциала региональных идеологий, открытых в главе 3.

Указанная корреляция, как и в предыдущей главе, демонстрируется здесь на примере рассмотрения каждого отдельного региона с последующей формулировкой общих сравнительных выводов.

Татарстан

Политические лидеры республики с самого начала стремились придать собственным политическим интересам статус национально-региональной идеи.

Ключевая идеологическая формула «Модель Татарстана — новая парадигма», созданная в пространстве сильной локальной идеи и насыщенного символическо-смыслового континуума, имеет внутреннее и внешнее содержание.

Что касается внутреннего содержания, то оно выражало претензию местной элиты на достижение особого статуса Татарстана — в виде его ассоциированности с Российской Федерацией на договорной основе. Эта идея внушалась населению, была закреплена в новой Конституции РТ.

В результате последовательного стремления к самостоятельности РТ стала распоряжаться 65% госсобственности, имеющейся на её территории¹. Республика добилась права собственности на недра, землю и права распоряжаться третью добытой нефти. Это сильно укрепило позиции местной элиты².

В борьбе за государственную самостоятельность, которая провозглашалась как начало решения многих проблем республики, в т.ч. экономических и духовных, элита получила поддержку своего населения. Политика, сознательно канализируемая в этом направлении, подкреплялась такой мощной политической акцией, как публичный отказ от «шоковой терапии». Лидеры республики предельно откровенно заявили, что хотят оградить своё население от отталкивающих результатов рыночной либерализации Ельцина-Гайдара. Выступив поборником государственного суверенитета и опираясь на полученные ресурсы, местная элита начала реализовывать с 1992 г. политику «мягкого вхождения» в рынок в противовес российской «шоковой терапии». Реализовывалась данная политика путём государственного регулирования цен на основные продукты питания за счёт дотаций из республиканского бюджета. Энергия неприятия проводимой центром рыночной реформы и выдвижение альтернативного политического курса имели в республике значительный мобилизующий эффект и огромный харизматический потенциал. Татарстанская элита обрела мис-

сию защитника своего локального сообщества перед лицом пугающих перспектив «шоковой терапии» и всеобщей неопределённости.

В дальнейшем власти РТ вынуждены были отпустить цены и перейти к адресной социальной защите населения. В результате в последние годы Татарстан опережал остальные регионы России по уровню минимальной заработной платы. В 1996 г., например, она составляла здесь 200 тыс. руб., тогда как по России — 70 тыс. Стоимость потребительской корзины, обеспечивающей прожиточный минимум, здесь ниже, чем в РФ в среднем³. Всё это обеспечивало поддержку правящей элиты РТ со стороны различных социальных групп.

Что касается достижений в реальном секторе экономики республики, то падение промышленного производства за 1992-1996 гг. оказалось здесь намного меньше. Начиная со второй половины 1995 г. начался рост выпуска промышленной продукции и год был завершён с приростом на 2%. Приоритетными направлениями, как заявили лидеры РТ, стало развитие нефтяного и нефтехимического комплексов⁴, а также поддержка АПК. В результате, спад добычи нефти (продолжавшийся до этого 19 лет) не только был остановлен, но в 1995 г. добыча увеличилась на 2 млн. т. Эффективными оказались вложения в АПК⁵. Урожайность в сельском хозяйстве за годы реформ возросла на 5 ц с 1 га. Впечатляющим результатом данной политики можно назвать то, что Татарстан, почти в 2 раза опередив Краснодарский край, вышел на первое место в РФ по урожайности кукурузы на зерно. Успех объясняется сотрудничеством с американской агрофирмой «Пионер» и использованием новых технологий⁶.

Важным элементом локального вызова центру стала местная модель приватизации. Последняя была проведена по отличному от России плану. Татарстан сумел сохранить госконтроль над стратегически важными предприятиями, не распылив акции по многочисленным мелким владельцам. Весь пореформенный период Татария была всерьёз озабочена проблемой привлечения иностранного капитала. Намереваясь сменить имидж нефтедобывающего региона, Казань поставила перед собой цель — вытянуть из кризиса машиностроение. Для привлечения прямых инвестиций в экономику республики, кабинет министров совместно с американскими бизнесменами и банкирами в мае 1996 г. создали в Нью-Йорке фонд «Татинвест». При этом дочерней компании фонда «Татинвест-Росс» переданы в трастовое до-

верительное управление сроком на 5 лет без права продажи госпакеты акций девяти крупных предприятий региона⁷.

Создание своего инвестиционного фонда в США, передача в траст акций предприятий — это один из путей привлечения инвестиций. Другой заметной акцией в данном направлении стало подписание в декабре 1995 г. соглашения о создании корпорации «ЕлАЗ-ДМ» с долей участия России и Татарстана по 25%, «Дженерал Моторс» — 50%. Проект, получивший существенные налоговые льготы, предполагал выпуск на совместном предприятии джипов «шевроле-блейзер»⁸.

Другим важным шагом в направлении дальнейшей локализации республиканской экономики и вытеснения федерального правительства из сферы текущего управления хозяйством региона стало решение о создании общереспубликанской корпорации⁹. Последняя была призвана выполнять роль гаранта привлечения иностранных инвестиций под залог декларированного республиканского имущества и ресурсов. Хотя идее корпорации не была придана тотальная миссия объединителя всей региональной экономики и «локомотива» республики как в Калмыкии, тем не менее она отражает политику избирательного регионального протекционизма в русле самопровозглашённых идеологических предпочтений. Данные шаги отражают стремление местной элиты максимально избавиться от контроля федерального Центра в вопросах распоряжения ресурсами, экономическими и политическими институтами. В итоге главным результатом суверенизации республики стала невиданная прежде в истории Татарстана степень независимости местных руководителей от центральных властей. За счёт идеологической изобретательности, мимикрии и комбинирования различными политическими лозунгами, местная правящая верхушка полностью овладела рычагами распределительной системы в экономике республики.

Указанные шаги сопровождались дальнейшим политическим самоутверждением местной правящей элиты. Смысл стратегии «Модель Татарстана — новая парадигма», как это неоднократно заявлялось в Казани, направлен на «преодоление областного мышления» и на ориентацию на мировое экономическое и культурное пространство». Из многих региональных лидеров, критиковавших Москву, татарская элита, пожалуй, наиболее откровенно воспринимала курс реформ центрального правительства как один из вариантов капитуляции России

перед Западом, а саму федеральную власть — как дефектный политический субъект. В лице «Модели Татарстана» предлагалась альтернатива гайдаровско-черномырдинскому курсу, ибо элита Татарстана провозгласила необходимость для своей республики не имитационного, а опережающего развития. Подход местной элиты — выдвижение стратегии опережающей модернизации — поверх ущербной монетаристской стратегии российского правительства. Формулировка данного подхода оказалась весьма импозантной: «Можно быть отсталой провинцией в экономически передовой стране, но точно также можно быть процветающим регионом в экономически слабом государстве. Если даже в России в целом будет великолепная экономическая политика, она не гарантирует успех предприятиям Татарстана, потому что конкурентные преимущества создаются на региональном уровне»¹⁰. Такой взгляд региональной власти вёл к активизации действий в направлении к собственному политическому самоутверждению.

Она пыталась с самого начала угадать направление глобальных и региональных изменений, определить своё место и роль в меняющемся мире. За пределами Москвы Татарстан проявляет наибольшую активность среди российских регионов в развитии стратегического сотрудничества на международном рынке. Договор с федеральным центром предоставил Татарии исключительные полномочия заключать внешнеэкономические соглашения с иностранными государствами и с административно-территориальными образованиями других стран. Сегодня республика имеет свои полномочные представительства в европейских странах, США, Австралии, Турции, а также в регионах РФ и СНГ. «Впервые в истории Татарстана правительство будет вести активную наступательную политику на внешних рынках, понимая под ними любых потребителей за пределами Татарстана, и в том числе федеральное правительство», — заявил в 1996 г. первый вице-премьер правительства республики Равиль Муратов".

Весьма показательно то, что эта сторона деятельности местной элиты отличает особо выраженный культурологический подход. Утвердить себя в мире можно, по мнению местных идеологов, только путём актуализации своей цивилизационной особенности. Мысль о том, что Татарстан — неотъемлемая часть мира и её реальные экономические и иные отношения должны соответствовать требованиям мировой культуры, заканчивается непреклонным выводом: «Татарстан

сможет занять своё место на мировом рынке только в том случае, если максимально использует исторические традиции и национальные особенности. Мировые лидеры в производстве сложной продукции держатся не за счёт унификации культуры, а, наоборот, за счёт уникальности и своеобразия»¹².

В эпоху глобализации хозяйства, когда российские регионы оказались брошены в окружение рискованного международного порядка, в которой даже старые участники не очень хорошо понимают друг друга, татарстанская элита пыталась обрести функцию представительства перед внешним миром от имени и в защиту своего локального сообщества. В свете этих усилий местная элита считает весьма рискованной попытку слепого подражания и копирования западных моделей, грозящих утерей собственных основ и собственной инициативы. Отсюда — резкая критика как готовых чужих моделей, так и тех российских политиков, копирующих эти модели: «.. .Кстати, немалая вина за творящийся в России хаос лежит на американских советниках, рекомендовавших «шоковую терапию». Прежде чем критиковать **нашу модель**, почему бы не оценить роль Джеффри Сакса и попытаться понять причины отторжения в Татарстане его сомнительных рецептов?»¹³ Оказалось, что для местного руководства очень важен вопрос о том, сможет ли, например, Татарстан обогатить мировую цивилизацию самобытным историческим творчеством или он обречён примерять чужие обноски¹⁴.

Настойчивое идеологическое обоснование «Модели Татарстана» обеспечили условия для дальнейшего развёртывания активности элиты на международной арене. Активности, нацеленной на наращивание ею своего престижа и политических ресурсов. Внешнеполитический аспект «Модели Татарстана» был выражен также в «Гаагской инициативе» и олицетворял глобальную претензию Татарстана на распространение собственного опыта бескровного разрешения конфликта с федеральным центром и подписания договора с Москвой. «Нам не хватает времени взглянуть на собственную политическую деятельность со стороны, мы её не воспринимаем как исторический опыт. А ведь для кого-то он может помочь избежать конфликтов. Видимо, поэтому ряд республик постсоветского пространства, а также международные организации и эксперты легко откликнулись на нашу инициативу о проведении «круглого стола» в Гааге. В мире не так уж много

удачных опытов безконфликтного развития, их нужно внимательно изучать»¹⁵ — с удовлетворением подчёркивают в Казани. 14-15 января 1995 г., по инициативе руководства Татарстана, во Дворце Мира в Гааге собрались главы и представители постсоветских государств, озабоченные внутренними конфликтами. Грузия — Абхазия, Украина — Крым, Молдова — Приднестровье — Гагаузия, Россия — Татарстан. Идея конференции нашла поддержку в Гарвардском университете США, где Шаймиев выступал с докладом, в МИДе Нидерландов, в ОБСЕ. Присоединились и международные неправительственные организации: Институт мира в Осло, форум «Международная тревога». В России предложение нашло сторонников в Министерстве по делам национальностей.

Хотя достигнутые результаты по внедрению «Гаагской инициативы» оказались куда скромнее по сравнению с тем, что заявляла татарстанская делегация, лидеры республики попытались использовать эту практику применительно к разрешению чеченского конфликта. Президент Татарии Шаймиев выступил инициатором, а его Аппарат — одним из спонсоров, проведения нового «круглого стола» на тему «От конфронтации — к наведению мостов», который прошёл в Гааге во Дворце Мира. В центре внимания участников представительного форума находился чеченский конфликт. Используя опыт мирного диалога между Россией и Татарстаном и являясь его живым олицетворением для участников «круглого стола», президент Шаймиев намеревался в Гааге добиваться того, чтобы была выработана аналогичная модель диалога между Чечнёй и Россией¹⁶.

Никто в Казани не отрицает прагматической сущности этих усилий лидеров Татарстана и расчёта на меркантильную отдачу от принимаемых мер. После «Гаагской инициативы» на Западе появились статьи, обратившие внимание на миротворческую политику Татарстана. Бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали посчитал нужным информировать Совет Безопасности этой организации о новой инициативе и поблагодарил М. Шаймиева при личной встрече. В Казани предельно откровенны, когда говорят, что миротворческие инициативы создают положительный имидж республики и способствуют более активному экономическому сотрудничеству, без чего невозможно войти в мировой рынок¹⁷.

Однако политизированные формы регионального вызова местной элиты не кристаллизовались в концептуально проработанную рыночную экономическую модель. Как было отмечено в третьей главе, наличие многочисленных и изменчивых ракурсов интерпретации «Модели Татарстана» свидетельствует о её незавершённости. Этим во многом можно объяснить основную линию поведения местной элиты, которая заключается в постоянном приспособлении к объективно складывающейся ситуации. Яркой иллюстрацией данного объяснения является принятие и дальнейшая судьба масштабной «Программы социально-экономического прогресса Татарстана». Призванная подчеркнуть опережающий (а не имитационный) характер развития республики, программа была разработана с участием иностранных компаний, которые готовили программы выхода из кризиса для многих стран: группы «Монитор» Гарвардского университета и ряда специалистов из Франции¹⁸. Но уже к 1996 г. политическая элита Татарстана начала терять наступательный потенциал регионализма и эволюционировать в сторону использования полученных привилегий, ресурсов и институтов. Подобная тенденция выражалась в том, что достигнутая власть начала выступать для местной элиты как самоцель, а не средство. В данном контексте «Программу» можно рассматривать как свидетельство безуспешной имитации концептуально проработанной политики.

Калмыкия

Принципиально важной составной частью политики «новых рубежей» К. Илюмжинова стало создание государственной промышленно-финансовой инвестиционной корпорации «Калмыкия». Она заменила прежнюю совминовскую систему и, по словам госсоветника по политическим вопросам Вячеслава Илюмжинова, должна стать «локомотивом для республики». Создание корпорации «Калмыкия» стало первым серьёзным шагом к цели, сформулированной Кирсаном Илюмжиновым задолго до избрания президентом: перестройка всего финансово-экономического механизма республики по модели, применённой в своё время в Сингапуре, Южной Корее, Японии. Акционеры корпорации, охватывающей всю республику, должны стать как бы членами одной семьи с общим чувством ответственности и общей за-

ботой о «семейном хозяйстве». Ключевая идея здесь — объединить граждан республики не столько политическим или национальным, но корпоративным, то есть глубинным экономическим интересом, создать всеобъемлющую систему хозяйствования, при которой вся Калмыкия должна функционировать как одна большая корпорация, обеспечивающая своих работников высокими доходами, имеющими адекватное товарное покрытие.

Некоторые авторы склонны объяснять образование корпорации предпринимательским характером самого президента Калмыкии. Говорят, что, будучи по образованию японистом и имея опыт организации разветвлённой международной корпорации «САН», он перенял японскую схему «Одна корпорация—одна семья» в виде схемы «Одна республика —одна корпорация»¹⁹. Подобное утверждение верно лишь отчасти.

Идея единой корпорации, авторство которой принадлежит Илюмжинову, стала для большинства представителей калмыцкой правящей элиты формой экономического и политического вызова центру. Формой выражения умеренного регионального комплекса и неагрессивного политического самоопределения. Выше уже говорилось, что для калмыцкой правящей верхушки актуальной оказалась не ориентация на политические и экономические реформы, проводимые федеральными властями, а выработка опережающего реформаторского стиля. В программе К. Илюмжинова была выдвинута перспектива превращения степной республики в «пионера региональной экономической реформы, первопроходца отработки эффективных институтов и механизмов рыночного регулирования»²⁰. В этом плане государство-корпорация должно было открыть иной путь к созданию капиталов, нежели кажущийся неотвратимым для России путь «чёрного передела» собственности. Илюмжинов никогда не питал симпатий к идеям российских младореформаторов, особенно к программе ваучерной приватизации. Ещё в ходе предвыборной кампании он предлагал собрать в Калмыкии все выданные чеки, продать их в Москве за валюту, а вырученные деньги вложить в экономику республики. Позже эта неординарная идея обрела более реальные формы: были аннулированы прежние акты приватизации, проведённых Госкомимуществом республики и учреждена государственная промышленно-инвестиционная корпорация «Калмыкия» с уставным фондом в один миллиард долларов, аккумуляировавшая ваучеры едва ли не всего населения республики²¹.

Очевидно также и то, что работа по формированию корпорации могла начаться в поле сильной локальной идеи, в пространстве насыщенного идеологического континуума, в котором присутствует сильная утопическая составляющая. Сама концепция корпорации заключает в себя две ключевые парадигмы:

1. Парадигма защиты.
2. Парадигма альтернативного прорыва.

Согласно **парадигме защиты**, в основе создания корпорации лежит принцип региональной самоорганизации. Как заявляют её идеологи, цель корпорации — взять под контроль все республиканские ресурсы и создать рыночную структуру с тем, чтобы «делать из ресурсов деньги, из денег—деньги. И таким путём зарабатывать республике средства на её существование и развитие»²². Подобная локальная самоорганизация инициирована республиканской правящей элитой именно как форма защиты — защиты своих собственных прав по распоряжению местными ресурсами от возможных посягательств «экономической и финансовой империи Москвы». В условиях явного отставания периферии в развитии финансовой системы и насыщенности коммерческими структурами, да ещё на фоне ослабления вертикальных связей, руководство Калмыкии выражало тревогу, что республика может стать жертвой какой-то крупномасштабной финансовой операции, проводимой в Центре. Для защиты республики и её граждан от таких действий и была создана Корпорация как конкурентоспособная рыночная организация. По мнению её председателя В. Болдырева, «подобная корпорация, пусть даже означающая монополизм — это то, что нужно нынешней Калмыкии, да и всей России. Когда началось стихийное развитие рыночной реформы, — продолжал он, — мы оказались перед угрозой расхищения наших природных ресурсов структурами, стоящими близко к различным министерствам и правительственным кругам: посмотрите, что творится в России. Тогда и пришла идея создать корпорацию «Калмыкия» — чтобы легализовать нашу деятельность по распоряжению природными богатствами республики. Чтобы корпорация отчитывалась о своей деятельности, владея и работая».

Как и в Татарстане, подобная легализация является главной составляющей политической активности местной правящей группы в переходный период. Вытеснение центрального правительства из сфе-

ры текущего управления экономикой становится для калмыцкого руководства гарантом реальности прав своего региона.

Согласно **парадигме альтернативного прорыва** идея корпорации выступает как мобилизационный фактор региональной самоидентификации для всего населения республики. Это своего рода реакция на положение Калмыкии как наиболее отсталого и наименее престижного сообщества, которое оказалось в худших стартовых условиях на пути перехода к рынку. Нынешние власти республики довольно болезненно воспринимают положение своего региона как сырьевого придатка, вынужденного жить за счёт субвенций из Центра. Взвешенные суждения о том, что Калмыкия пытается «преодолеть наследие своего однобокого развития и сама обеспечить себя, но не для того, чтобы отделиться от России, а чтобы уважать себя», проходят устойчивым рефреном через дискуссии подавляющего большинства представителей калмыцкого политического истеблишмента. Корпорация «Калмыкия» выступает в данном контексте как составляющая модернизаторской парадигмы калмыцкой власти. Само региональное сообщество рассматривается в качестве символа реализации данной идеи, как пространство исторического творчества элиты. В данной ситуации тактика избирательного регионального протекционизма стала для калмыцкой элиты способом защиты своей идентичности во взаимоотношениях с «культурой-донором»²³ (в качестве которой выступает федеральный центр). Концепция корпорации приобрела **панойкуменный характер** именно в силу подобной ориентации здешнего правящего меньшинства.

Объединённые усилия власти в этом направлении призваны вырвать республику из состояния периферийности, отсталости и зависимости. Характер нынешней политической системы Калмыкии, а также характер установленной «сверхвласти» в ней функционально вытекают из данной модернизаторской стратегии.

По мнению Илюмжинова, только эта «сверхвласть» способна вырвать Калмыкию из состояния субразвития²⁴. Сознвая такую ответственность, правящая элита хочет уберечь себя от риска политической нестабильности. Новой калмыцкой элите необходима авторитарно проводимая макроэкономическая политика, политика в императивном и централизованном стиле. Следовательно, требуется политический режим, способный мобилизовать энергию и возможности

населения. Об этом свидетельствует та настойчивость, с которой Илюмжинов пытается нейтрализовать все виды политической активности, противоречащие данной цели. Этим объясняется активность элиты, её явно патерналистские мотивации в управлении событиями.

Именно такой тип охранительных реформ призван обеспечить стабильность и социальный мир в республике. Подобная практика в сочетании с политическим оптимизмом К. Илюмжинова должны послужить своего рода «страховым полисом» для потенциальных внешних инвесторов в калмыцкую экономику.

Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что строительство республики-корпорации идёт в полном соответствии с характером провозглашённой локальной селективности и идеологического вызова центру. Таким образом, здесь отчётливо просматривается совпадение регионального синдрома в терминах идеологии и хозяйственной мобилизации в терминах экономической политики.

О практических результатах реализации проекта «Республика-корпорация» говорить рано. Тем более, что Указом президента республики корпорация «Калмыкия» в начале 1995 г. была преобразована из государственной структуры в АО и, естественно, из системы государственных органов выпала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имеется в виду, что деятельность её перестала носить публичный характер. Думается, здесь важно другое. Осуществляемая Илюмжиновым радикальная трансформация всей системы властных и экономических отношений в республике, с упором на формирование общереспубликанской корпорации, в определённой мере гарантирует высокую сопротивляемость возможным политическим и силовым действиям извне: реальная власть в регионе останется за теми, кто владеет её природными и материальными богатствами, даже если руководитель Калмыкии будет назначаться из Москвы.

Если говорить о более реальных результатах президентства Илюмжинова, то они в гораздо большей степени, нежели в других рассматриваемых регионах, связаны с внешнеполитическими инициативами. Одна из главных целей новой калмыцкой власти, как отметил Кирсан Илюмжинов,—«избавиться от худших черт провинциализма». В 1993 г. Калмыкия представляла собой забитую, отсталую республику, стоящую на последнем месте в стране по уровню жизни,

по количеству дорог с твёрдым покрытием и т.д. Хотя положение в экономике остаётся очень сложным²⁵, за 6 лет местная власть сумела серьёзно заявить о себе с помощью крупных экономических проектов и шахмат.

Шахматы принесли Калмыкии подлинную известность после того, как 26 сентября 1998 г. в Элисте стартовала 33-я всемирная шахматная Олимпиада, на которую съехалось 1200 участников. Гостей из более чем 100 стран мира встретил «Сити-Чесс» — шахматный квартал калмыцкой столицы с особым статусом, построенный по самым современным технологиям. В данной связи необходимо отметить следующую особенность: что бы Калмыкия ни делала — это начинает звучать на всю страну. Возможно, именно благодаря таким усилиям власть республики приобщает своих жителей ко многим крупным экономическим, политическим и культурным событиям, пытается преодолеть свою провинциальность и оторванность от «цивилизованного мира».

Одним из инструментов реализации планов Илюмжинова является офшорная зона — ареал льготного налогообложения, содержащаяся во всех его программных заявлениях. Офшорная зона, введённая в Калмыкии явочным порядком, действительно привлекла около 200 коммерческих компаний²⁶.

К числу успехов в экономической области можно отнести формирование основ промышленности, прежде всего перерабатывающей. Построен кожеперерабатывающий завод «Арсчи» — крупнейший на Северном Кавказе, шерстомойная фабрика, республика самостоятельно начала экспортировать икру²⁷.

Нижегородская область

Заняв должность губернатора, Борис Немцов немедленно объявил о намерении сделать Нижегородскую область полигоном радикальных экономических реформ. Для начала губернатор привлёк для разработки плана реформ специалистов группы «Эпицентр», возглавляемой Григорием Явлинским. Группа Явлинского разработала программный документ «Нижегородский пролог», который представлял собой широкий исчерпывающий план регионального экономического развития. Этот документ манифестировал идеологию регионального рыночного прорыва.

Реализацию либерально-популистской версии рыночных преобразований в Нижегородской области можно понять лишь с учётом идейно-политического лица его статусных лидеров (в первую очередь, это бывшие руководители области Борис Немцов и Евгений Крестьянинов, а также бывшие руководители Нижнего Новгорода Дмитрий Бедняков и Александр Косариков). Они действительно обладают вкусом к рыночным преобразованиям, искренне симпатизируют либеральной экономической идеологии.

Одной из первых целей Нижегородского рыночного проекта было создание экономического среднего класса. С этой целью в области раньше чем в других регионах развернулась программа «малой приватизации» (торговля, обслуживание). В этот же период (1992-1993 гг.) были проведены по оригинальной схеме разукрупнение и приватизация автотранспортных предприятий. Нижегородская область на некоторое время стала моделью для эффективной приватизации в России. Международная Финансовая Корпорация (IFC) участвовавшая в некоторых акциях малой приватизации в регионе, выпустила несколько брошюр о «Нижегородской модели», чтобы помочь другим областям в проведении приватизации. Примечательно, что представитель IFC Алан Бигман объяснил успех IFC в Нижнем Новгороде поддержкой со стороны областного руководства — особенно губернатора Немцова и председателя облсовета Крестьянинова²⁸.

В усилиях по поддержке рыночных преобразований в области, руководство региона упростило процесс регистрации предприятий малого бизнеса. Так появилась система почтовой регистрации возникающих предприятий малого бизнеса, что способствовало существенному росту рыночной активности в регионе.

Частью широкого плана нижегородских лидеров по развитию региональной экономики было быстрое расширение межрегиональных и международных связей области. Руководство регионом сделало это направление одним из своих козырей и не ошиблось. Как отмечает С. Борисов, многочисленные социологические опросы на протяжении всех последних лет показывают, что обретение областью внешней популярности и авторитета («Нижний—третья столица России»), статуса влиятельного субъекта межрегиональных и международных отношений активно одобряется населением и служит важным вектором массового политического сознания²⁹. Лидеры региона стремились

увеличивать свободную торговлю между провинциями и создавать совместные благоприятные условия для привлечения внутренних и внешних инвестиций. С этой целью они принимали активное участие в работе межрегиональной ассоциации «Большая Волга» для продвижения торговых и экономических инициатив. К тому же область заключила много горизонтальных торговых соглашений за пределами ассоциации «Большая Волга». Эти соглашения далеко превосходили традиционные соглашения по бартеру и включали в себя организацию на территории партнёрских провинций торговых домов и банков³⁰. Соглашение, которое Нижегородская область подписала с двумя областями Казахстана (Талдыкурганская и Карагандинская), позволяло российскому региону продавать свои товары в Китай.

Кроме установления торговых взаимоотношений внутри стран СНГ, Нижегородская область также стимулировала свои международные торговые связи. Областное руководство также использовало историческую Нижегородскую ярмарку — для размещения товаров, произведённых предприятиями региона для продажи на внешних рынках.

Существуют и другие — более или менее удачные — примеры реформаторской деятельности нижегородских лидеров. Наиболее громкий из них это широко разрекламированная (как и прочие инициативы Немцова) земельная реформа: акционирование и раздел имущества коллективных хозяйств в аграрном секторе — программа «Зерно». Через эту программу был нанесён наиболее сильный удар по колхозно-совхозной системе.

Однако именно земельная реформа показала, что сугубо функциональный (и, как оказалось, временный и неорганичный) характер альянса элит в Нижнем Новгороде определил не только идеологическую бесформенность, но и реализационную невнятность и незавершённость «нижегородской модели».

Нижний Новгород начал свою земельную реформу в 1992 г. под патронажем Бориса Немцова и с 1993 г. реорганизацию прошло около 40% сельхозпредприятий области, в основном слабейших. Экстренное «моделирование» оказалось временным «стоп-краном» для падающего в пропасть агробизнеса. Но вряд ли такой опыт был бы возможен в других регионах. Ведь его подкрепляли международные финансовые структуры, очарованные обаянием Немцова (финансовую и консультационную поддержку оказывали британский фонд «Нью-Хау» и

Международная финансовая корпорация). Долги новых собственников были списаны, ответственность за сферу социального обеспечения, как и в сфере ВПК, была возложена на местные администрации. Созданный же Нижегородский фонд аграрных реформ («НижАгрофонд») пополнялся за счёт бюджетных денег.

В результате нижегородский эксперимент оказался денежно затратным предприятием, а реального земельного рынка до сих пор нет. Сюда же можно отнести пример Международной финансовой корпорации, вливания которой в область, в частности, в реформу агропромышленного комплекса, оказались «зарытыми в песок». В целом же ряду главных зарубежных инвесторов в нижегородскую область стало окончательно ясно, что отдача от вложенных миллионов более чем низка³¹.

Обнаруженный в предыдущей главе дуализм посткоммунистической нижегородской власти оказал самое непосредственное воздействие на характер осуществления политики в регионе. После переезда в Москву Немцова со своей референтной группой и выдвижения на первые позиции в регионе Складов со своим административным персоналом, обнаружилась значительная разница между ними не только в стиле и методах управления, но, самое главное, в характере выбираемых политических приоритетов. Прежде всего сошли на нет те политические инициативы, направленные на превращение области в «полигон» рыночных преобразований. Выше уже отмечалось, что Складов не рассматривался основной массой населения в качестве последовательного продолжателя реформ Б. Немцова. В содержательном же плане политику, проводимую Складовым в Нижнем Новгороде, можно назвать настоящим отходом от немцовской либеральной идеологии и немцовского курса на превращение области в «ярмарку реформ». Об этом весьма откровенно высказался в своём интервью И. Складов: «Нижегородская область — это не «витрина» и тем более не «полигон», а родная земля, где растут наши дети и внуки... Я не хотел бы прослыть очередным реформатором, который, не зная броду, ведёт людей в пучину неизвестности»³².

Следующие примеры ещё более отчётливо свидетельствуют об отношении нового губернатора к политике своего предшественника. Осенью 1998 г. губернатор И. Складов, остававшийся формально куратором НижАгрофонда, дал понять, что на скромных торжествах по случаю 5-летия первых земельных аукционов присутствие экс-губер-

натора Немцова нежелательно. «Землю продавать с аукционов нельзя!» — заявил губернатор перед избирателями. «Продажа земли с аукционов — дело бесперспективное, если иметь в виду сельскохозяйственное производство. Наш путь — конкурсное предоставление малопроцентных кредитов сроком на 10-15 лет тем, кто хочет приобрести землю, чтобы на ней работать»³³.

Скляров сделал решительный шаг от романтизма своего предшественника к суровым реалиям. Сейчас ставятся более конкретные задачи, видится ближняя цель и отдача. Новый глава области стал чаще выезжать в районы. Немцов в этом смысле был больше «москвичом», чем Скляров. Он тяготел к глобальным и громким проектам³⁴, а нынешний губернатор ближе к текущим проблемам своего региона.

Саратовская область

За период 1992-1996 гг. Саратов был неспособен состязаться с рассмотренными выше регионами в политической результативности. Это было следствием конфликта между остро конкурирующими региональными политическими интересами по поводу размещения ресурсов и осуществления приоритетов. Конфликт поглощал усилия его участников и потенциал региона. Столкновение требований и интересов различных ветвей власти приводило к увеличению их политического бремени.

Саратовская властвующая элита оказалась настолько перегружена групповым разделением, групповым эгоизмом и внутренними конфликтами, что лучшее из того, что она могла делать, состояло в «тушении пожаров» — метаться от одного кризиса к другому, от одной проблемы к другой. В таком контексте трудно осуществлять эффективное целеполагание и добиваться результатов, что показала конкретная политическая практика в регионе. В конечном счёте попытка одновременного удовлетворения конфликтующих и неорганизованных региональных интересов привела к малым результатам как в политике, так и в экономике. Хотя Саратов выработал региональную экономическую политику, он был неспособен сколько-нибудь эффективно проводить её.

Доказательством этого стало реформирование ВПК. Саратов, как и Нижний Новгород, насыщен оборонными предприятиями. Ко-

митет облминистрации по военно-промышленному комплексу осенью 1992 г. выработал план конверсии военных заводов. План предусматривал диверсификацию оборонного производства и выпуск потребительских товаров. Трудности возникли, однако, при реализации данного плана, когда областная администрация не получила ожидаемого финансирования от конверсионного фонда центрального правительства. Искать и находить инновационные модели решения данной проблемы, как это попытались сделать нижегородские лидеры, местная власть оказалась неспособна. Аналогичным образом групповой интерес руководителей ВПК, принявших «правила игры» местных властей, объективно лежал в сфере длительного реформирования и не укладывался даже в один-два выборных срока. Более того, сохраняя традиционно советские каналы лоббирования и связывая с ними свои надежды, директорат мог поддерживать любое лицо или структуру в руководстве области, не посягавшие как минимум на вмешательство в «реформы» в сфере ВПК.

В подобной ситуации реформы в АПК также могли быть реализованы только в течение достаточно долгого периода. Отсюда стиль, схожий со стилем руководства ВПК: политическая «подвешенность», предпочтение традиционных форм экономического «лоббирования»³³.

Столь же невыразительной, по сравнению с вышеназванными регионами, была внешнеэкономическая деятельность местной элиты. В данной сфере отставание Саратова оказалось особенно заметным. Хотя Саратов был членом ассоциации «Большая Волга», он не имел межрегиональных торговых соглашений. Председатель облсовета признавал необходимость в межрегиональной торговле и составил протокол, в котором заявлялось желание Саратова увеличить межрегиональное сотрудничество³⁶. Однако реально очень мало было сделано по нему. Внешнеторговые соглашения были также немногочисленны в Саратове, хотя область подписала несколько контрактов с иностранными компаниями для развития своей промышленности³⁷.

Итоги первых трёх лет рыночного развития региона, происходившего в условиях деструктивного противостояния различных ветвей власти, оказались плачевными. Так, в принятом областной Думой постановлении о социально-экономической ситуации области по итогам 1994 г.³⁸ отмечалось, что положение в экономике области в 1994 г. оказалось значительно хуже, чем в среднем по РФ, и значительно хуже,

чем в большинстве областей и республик Поволжья. Спад производства в отношении к 1993 г. составил 31,9% (при 22,8% по РФ); убыточных предприятий насчитывалось в области 616 (больше, чем в любом из 12 регионов Поволжья); капитальные вложения уменьшились на 31%; была утрачена управляемость предприятий государственности, находящихся в управлении федеральных органов; невыполнение доходов бюджета по местным источникам составило более 30%³⁹.

Вывод делался однозначный: администрация области неэффективно и бессистемно проводит реформы.

Следствием осознания тяжести ситуации со стороны самих властей стало то, что в феврале-марте 1995 г. в области явственно проявилось инициируемое административными инстанциями **стремление к созданию прогосударственных корпораций в русле общероссийской политики**. Предполагалось, что развитие корпораций могло бы способствовать адаптации к новой социально-экономической реальности различных финансовых и экономических региональных институтов. 13 февраля на совещании в городской администрации Д. Аяцков заявил, что нужно «все фонды, банки и бюджет свести к единому механизму», «нанизать их на шампур, чтобы они работали на город».

Однако созданные в течение первой половины 1995 г. Саратовская региональная финансово-промышленная корпорация, областная продовольственная корпорация и региональный продовольственный фонд, совет глав администраций городов и районов при главе администрации области **эффективности в управлении этой сферой не прибавили**⁴⁰.

Повреждённая политическая власть была не в состоянии обеспечить гладкое протекание политического процесса, выдвинуть и осуществлять «разделяемый проект» (общее дело), выражающий региональные интересы и перспективу. Естественно, ни о каком эффективном региональном синтезе в подобной ситуации не могло быть и речи.

Приход к власти нового авторитарного лидера Д. Аяцкова и полное перераспределение элитных позиций и потенциалов, в результате чего произошло укоренение идеологически единой элитной структуры, позволило фокусировать региональные интересы и повысить эффективность власти. Консолидированная на основе такого перераспределения региональная правящая группа сумела выдвинуть регио-

нальный макропроект, объединяющий и конструктивный эффект которого трудно переоценить. Наблюдатели со стороны отметили, что сегодняшний Саратов олицетворяет собой современные подходы к развитию экономики, к созданию настроения, порядка, волю к делу⁴¹. Более подробно такие впечатления описал начальник управления по работе с территориями администрации Президента РФ С. Самойлов. Он констатировал, что «впервые ехал в Саратов без внутреннего негативного волнения». Прежде оно возникало из-за того, что подобные поездки всегда были связаны с разбором конфликтов, принятием кадровых решений, необходимостью изменения местных законодательных актов. Теперь ситуация стала иной, его приезд вызван необходимостью оценить первые итоги деятельности Дмитрия Аяцкова в качестве главы обл администрации. . Делясь впечатлениями от поездок по области, Самойлов особо акцентировал происшедшие перемены. Ранее, по его мнению, ощущалось, что люди потеряли веру в себя, а местные власти утратили цель; теперь, после произведённых Аяцковым кадровых перестановок, в области ощущается новый дух, она переживает прилив сил⁴².

В течение июня 1996 г. Аяцков торжественно открыл роддом № 3, провёл встречи с обманутыми вкладчиками, с работниками Саратовского авиационного завода (САЗ), а также пресс-конференцию, на которых он демонстрировал решимость ликвидировать все виды задолженностей, обеспечить САЗ заказами на полтора года, решить транспортную проблему в городе. Помимо поездок по Саратову Аяцков активно осуществлял выезды в районы, в ходе которых он производил переназначения, давал деньги и — ещё более активно — обещания и заверения⁴³.

Однако главный «конёк» политики Д. Аяцкова в регионе — земельная реформа, по поводу которой до сих пор не утихают споры в российских политических кругах. Проведение земельной реформы в Саратовской области особенно точно коррелировало с созданием нового регионального мифа, в котором новый губернатор ассоциировал себя с Петром Столыпиным. Как уже отмечалось, обращение к реформаторской деятельности Столыпина происходит через сравнение с деятельностью нынешнего губернатора Дмитрия Аяцкова. Непосредственная цель такого сравнения — подчёркивание преемственности курса решительных реформ Имя и образ Столыпина как реформато-

ра-патриота призваны олицетворять новейшие политические инновации и волю губернатора Аяцкова. Естественно, особенный акцент при этом делается на земельную реформу, которую Столыпин начинал в 1906 году, уже пересев из кресла губернатора Саратовской губернии в кресло премьер-министра.

Губернатор Аяцков отказался принимать в регионе федеральный Земельный кодекс. Взамен в ноябре 1997 г. Саратовская областная Дума приняла закон Саратовской области «О земле», разрешающий свободную куплю-продажу земли. Он оказался первым в России законом подобного рода. В области учрежден земельный аукционный центр и сформирована инфраструктура земельного рынка. В результате, в 1998 г. в Саратовской области, кроме государственных и муниципальных, насчитывается 320 тыс. частных землевладельцев. Приобрести саратовскую землю при соблюдении соответствующих условий, оговорённых в законе, теперь может любой гражданин России⁴⁴.

Выводы по главе

Я исследовал политические заявления каждой региональной власти, сделанные в русле самопровозглашённых приоритетов, а потом сравнил степень, в которой эти политики были реализованы. Сравнение по этим линиям показывает, что элиты Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода (последняя в период правления Немцова) были гораздо более активными в развитии своих региональных экономик. Руководство данных регионов активно искало возможности по продвижению внешних связей, межрегиональной торговли, а также в выработке программ регионального развития. Напротив, Саратовская область периода 1991-1996 гг. не могла осуществлять программы регионального развития.

Уровни регионального идеологического синдрома, которыми располагают различные локальные элиты, позволяют установить границы, внутри которых региональные власти создают экономические и политические институты и выдвигают инициативы. В тех землях, где доктрина регионализма и догматы самооценки проявлялись в форме последовательной и внятной схемы (пусть даже в утопической форме), столь же осмысленной оказывалась практическая административно-хозяйственная программа. Там же, где этого не наблюдалось, где

политическое мировоззрение правящей элиты характеризовалось эклектизмом, там отсутствовала цельная и последовательная практическая программа. Как правило, чётко обозначенная идеология регионализма облегчает провозглашение экономических и политических интересов локальных элит. Создание общереспубликанской корпорации «Калмыкия» (по принципу «одна республика—одна корпорация») и попытка формирования аналогичной корпорации в Татарстане во многом являются итогом идеологической консолидации правящих меньшинств обеих республик на пути реализации своих политических интересов за счёт выдвижения специфических модернизационных стратегий.

Данные выводы подтверждают то, что проанализированные в 1 главе две теории идеологии: теория интересов и теория напряжения (the strain theory), выступают как взаимодополняющие части интегративного определения феномена идеологии. Это доказывает, что интересы формируются в смысловом пространстве. При отсутствии смыслового континуума исчезает сама среда, рождающая целеполагание. А вне политического целеполагания нет почвы для произрастания политических интересов и стимулов.

Эта глава делает весьма важный вывод и для сравнительной политологии. Она доказывает, что в переходных ситуациях высокий уровень элитной сплочённости имеет позитивный эффект на результативность политики.

Наличие интегрированной элиты, которая создаёт атмосферу идеологической консолидации вокруг региональных ценностей и смыслов, помогает фокусировать региональные интересы и повышать взаимозависимость основных действующих лиц. В свою очередь, идеологический охват и концентрация имеют результатом ограничение уровня фракционности и конфликта внутри региональной власти. Это является важным фактором в поддержании политических обязательств между ними. Такой характер взаимоотношений способствует консенсусу и увеличивает эффективность регионального руководства в целом.

Мой аргумент состоит в том, что в переходной ситуации хорошо организованные региональные власти имеют, говоря словами Питера Эванса, «разделяемый проект»⁴⁵ (общее дело). Этот упор на «разделяемые проекты» раскрывает не только характер политических интересов региональных правящих групп. Он также точно коррелирует с описанными в главе 3 ведущими идеологическими конструкциями

региональных лидеров. Различия в идеологической «оснащённости» региональных властей совпадают с вариациями во внутренней консолидации локальных элит и, в конечном счёте, в способности осуществлять региональный макропроект. Идеологические конструкции и смыслы (играющие ориентационную и мобилизующую функцию) помогают идентифицировать региональные интересы и являются весьма важными в эффективности региональной власти в переходной России. Схематически пример эффективного регионального синтеза обозначен на рис. 6.

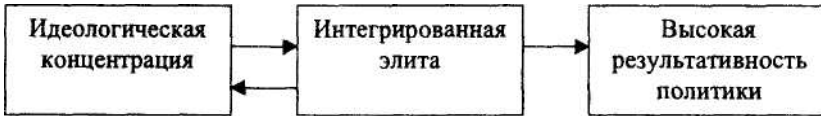

Рис. 6. Пример эффективного регионального синтеза

Данная глава постоянно демонстрирует, что «давление родства», укоренённость взаимодействий и идеологическая консолидация внутри правящего персонала имеют позитивный эффект на функционирование власти. Это обеспечивает гладкое протекание политического процесса и эффективную работу политических институтов.

Данное исследование вносит определённый вклад в застарелую дискуссию между элитистами и плюралистами. Краткое содержание этой дискуссии заключается в следующих доказательствах. Большинство исследователей уверены, что политическая стабильность в обществах любого типа обусловлена увеличением группового сцепления их властвующих элит⁴⁶. Аргумент, что интеграция элиты благоприятствует политической стабильности и эффективности, является широко распространённым и весьма убедительным⁴⁷. Этот факт признают даже противники данного подхода. Так, Роберт Дал отмечал: «Актуальная политическая эффективность группы есть следствие её потенциала для контроля и её потенциала для единства»⁴⁸.

Равным образом распространённым является, однако, аргумент, что интегрированная элита будет потенциально олигархичной и что демократия сможет выжить только там, где лидеры являются социально гетерогенными и политически разделёнными.

Применительно к современным российским реалиям сторонники плюрализма утверждают, что слишком широкая интеграция элиты опасна для демократии. К хрестоматийному тезису о том, что «демократия может выжить, только если элита неоднородна», Кэтрин Стонер Уайс, например, добавляет свой довод: «Если плюралисты правы, то чем выше уровень интегрированности элиты и, как результат этого, чем выше эффективность и стабильность правительства, тем ниже уровень реагирования на нужды населения»⁴⁹. Такой подход был также явно выражен в российской публицистике ещё на заре демократических преобразований⁵⁰, представляя собой нетерпеливую интеллектуальную рефлексию на требования западной либеральной мысли к зрелым и устоявшимся демократическим институтам. Смысл этих требований хорошо прокомментировал французский политик и учёный Роже-Жерар Шварценберг: «По существу, для отцов-основателей либерализма одного только разделения властей недостаточно. В действительности, разделение властей — это не более чем иллюзия, если оно не опирается на своё естественное дополнение: плюрализм элит»⁵¹.

Опыт нашего исследования позволяет отметить, что не так всё просто. «Новая» Россия — страна, которая выходит из более чем 70-летнего тоталитарного правления и столетий автократической власти до этого. Думается, применять к ней политические стандарты отцов-основателей либерализма было бы слишком преждевременно. Наш анализ показал, что фрагментированная политическая элита не может «помыслить» региональные интересы и осуществлять эффективное целеполагание, прежде всего для реагирования на нужды населения и проведения ответственной политики. Саратовский пример властвующей элиты образца 1991-1996 гг. является яркой иллюстрацией данного заключения. На стыке различных соперничающих группировок оказалось невозможно выискать единую векторную логику их общих усилий. Подобный «плюрализм», существующий в контексте неясного лидерства, привёл, как было показано, к прогрессирующей мистификации саратовской элиты и к минимальному одобрению со стороны населения. Характеристика, данная израильским социологом Евой Этциони-Халеви, полностью подходит к саратовской элите образца 1991-1996 гг. как к примеру повреждённого управления: «Относительная автономия элит, так же как и неопределённость правил, регулирующих отношения между ними, поощряют правящую политическую

элиту употреблять имеющуюся в её распоряжении власть и использовать весь имеющийся у неё набор ненасильственных методов, основанных на распоряжении государственными ресурсами для политического манипулирования и коррупции»⁵².

Такая организация власти кажется губительной для обществ, находящихся в переходном состоянии. Напротив, объединённая элита, интегрированная в терминах персональных уз, переплетения карьер, моделей рекрутирования, типичным образом демонстрирует высокий уровень согласия и координации в том, что называют «формулой правления» элиты. Как было отмечено ещё Арнольдом Тойнби, структурная сложность—это атрибут устойчивых систем, тогда как «переход» по самой своей природе означает структурную примитивизацию.

Думается, вопрос о взаимосвязи таких категорий как эффективность и ответственность регионального управления и политическая демократизация, применительно к переходной России, ещё долго будет оставаться открытым.

Примечания

¹ До начала перестройки 80% промышленных предприятий были государственной собственностью, 18% — российскими, и только двумя процентами предприятий управляла сама автономная республика / Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане. С. 68.

² Московские новости. 1996. № 12. 24-31 марта. С. 8.

³ Фарукшин М.Х. Там же. С. 68.

⁴ В поддержку этих приоритетов был принят республиканский Закон «О недрах», согласно которому нефтепромыслы, активно повышающие нефтеотдачу пластов, освобождаются от целого ряда налогов. Сэкономленные средства опять направляются на совершенствование нефтедобычи, что позволяет наращивать её объёмы.

⁵ В этом плане красноречивым выглядит суждение М. Шаймиева: «Я полностью отвергаю тезис о том, что АПК — «чёрная дыра». Он вредит судьбе самой России. Если есть страна и если не работает основное богатство—земля, то говорить о социально-экономическом благополучии не приходится» / Стенограмма встречи Президента РТ Шаймиева М.Ш. с участниками 1-го международного семинара «Пресса и регионализм» 22 июля 1996 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.

⁶ Стенограмма встречи Президента РТ Шаймиева М.Ш. с Премьер-министром Французской Республики 16 февраля 1996г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ; «Независимая газета». 1997. 22 января; «Новое время». 1997. № 5. С. 20.

⁷ Московские новости. 1996. № 36. 8-15 сентября.

⁸ Там же. 1996. № 51. 22-29 декабря.

⁹ Указ Президента РТ «Об инвестиционно-финансовой корпорации Республики Татарстан» // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.

¹⁰ Молодёжь Татарстана. Казань. 1995. № 11.

¹¹ Время и деньги. Казань. 1996. 7 сентября.

¹² Молодёжь Татарстана. Казань. 1995. № 13.

¹³ Там же. № 11.

¹⁴ В этом плане весьма характерен доклад первого вице-преьера РТ Р. Муратова «Духовное наследие как фактор экономического прогресса» на форуме Международной Гуманитарной инициативы Кол Гали, в котором выразились концептуальные подходы руководства республики к решению стратегических задач её развития / Время и деньги. Казань. 1996. 7 сентября.

¹⁵ Молодёжь Татарстана. № 13.

¹⁶ Независимая газета. 1996. 29 марта; Новое время. 1996. № 17. С. 10.

¹⁷ Молодёжь Татарстана. 1995. № 13.

¹⁸ Стенограмма встречи Президента РТ Шаймиева М.Ш. с компанией «Монитор» при Школе бизнеса Гарвардского университета 14 марта 1995 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ; Стенограмма встречи Президента РТ Шаймиева М.Ш. с Президентом Конгресса местных и региональных властей Европы Александром Чернофым 11 мая 1996 г. // Там же.

¹⁹ Баир-Гучинова Э. Власть в этнокультурном контексте. Президент Илюмжинов и его восприятие в народе // Независимая газета. 1994. 9 июля; Турунок С.Г. Указ. соч. С. 42.

²⁰ Кирсан Илюмжинов. Калмыкия перед выбором. М., 1993. С. 11.

²¹ Указ Президента Республики Калмыкия «О передаче принадлежащих государству пакетов акций акционерных обществ открытого типа, созданных в процессе приватизации республиканских предприятий» от 29 ноября 1993 г. // Администрация Президента Республики Калмыкия; Указ Президента Республики Калмыкия «О передаче в доверительную собственность (траст) акций» от 29 января 1994 г. // Там же; Турунок С.Г. Указ соч. С. 42.

²² Магомедов А.К. Корпорация «Калмыкия» — выражение идеологии калмыцкой правящей элиты // МЭиМО. 1995. № 12. С. 110.

²³ Выражение позаимствовано у А.С. Панарина: Панарин А.С. Информационные политические технологии в условиях «открытого общества» // Кентавр. 1994. № 3. С. 37.

²⁴ Илюмжинов К Власть будет ещё жёстче // НГ-Регионы. 1998. № 15. С. 4.

²⁵ Ситуация в сельском хозяйстве и промышленности близка к общероссийской. Зарплата работников в Калмыкии в 2 раза ниже уровня средней зарплаты по России. Имеет место неотрегулированность и несогласованность многих элементов создаваемого хозяйственного механизма / Социально-экономическое развитие Республики Калмыкия в 1 полугодии 1996 г. // Хальмг Унн. 1996. 6 августа; Статбюллетень «Основные показатели социально-экономического развития и хода экономических реформ в районах республики Калмыкия» за 1992-1995 гг. Элиста, 1996).

²⁶ Независимая газета. 1995. 28 октября.

²⁷ См.: НГ-Регионы. 1998. № 15. С. 4. Как свидетельствуют статистические данные, на фоне сокращения валовой продукции сельского хозяйства республики, возросло производство рыбы охлаждённой в 20 раз, икры осетровой в 3 раза (Хальмг Унн. 1996. 6 августа).

²⁸ Stoner- Weiss K. Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton Univ.Press, New Jersey, 1997. P. 109

²⁹ Борисов С. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 90-е годы // Полис. 1999. №1. С.98-115.

³⁰ См.: «Соглашение по экономическому, техническому и культурному сотрудничеству между администрациями Тюменской и Нижегородской областей» (1993 г.); «Соглашение по экономическому, техническому и культурному сотрудничеству между двумя областями Казахстана и Нижегородской областью» (ноябрь 1992г.).

³¹ См.: Независимая газета. 1998. 6 февраля. С. 8; Российская Федерация сегодня. 1998. № 16. С. 30.

"Российская Федерация сегодня. 1998. № 16. С. 24.

³³ Там же. С. 30

³⁴ Этим Немцов злоупотреблял и в ранге вице-преьера российского правительства. Так, выступая перед депутатами Госдумы из группы «Российские регионы», он ярко живописал перспективы создания на базе хозяйства МПС великого железнодорожного «моста» из Европы в Азию / Российские вести. 1997. 4 октября.

³⁵ Рыженков С. Указ соч. С. 148

³⁶ Протокол намерений о сотрудничестве / Саратовский областной Совет народных депутатов, 1993.

³⁷ Stoner-Weiss K. Local Heroes. P. 108

³⁸ Показательно, что глава администрации области всячески уклонялся от такого отчёта.

³⁹ Рыженков С. Указ соч. С. 189

⁴⁰ Там же, С. 189-190.

⁴¹ См.: Российские вести. 1997. 19 сентября.

⁴² См.: Рыженков С. Указ соч. С. 218

⁴³ Там же. С. 215-217.

⁴⁴ Известия. 1998. 7 марта.

⁴⁵ Evans P. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, NJ: Princeton Univ.Press, 1995.

⁴⁶ Ake C. *A Theory of Political Integration*. Homewood, 111.: Dorsey, 1967. P. 79.

⁴⁷ См.: *International Studies of Values in Politics*. N.Y.: Free Press, 1971; Rose R. *Politics in England*. 2nd ed. Boston: Little Brown, 1974. P. 214-215.

⁴⁸ Dahl R. *A Critique of the Ruling Elite Model* // *American Political Science Review*. 1958. Vol. 52. June. P. 465.

⁴⁹ Стонер-Уайс К. Переход к демократии и консолидация—роль элиты // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода) / Сб.работ победителей конкурса научных проектов и материалы семинара «Новые элиты и политические институты в СНГ». Вып. 8. Ч. 2. М.: МОНФ, 1997. С. 34; Stoner-Weiss K. *Local Heroes*. P. 2, 192-205.

⁵⁰ «Чем сложнее состав и чем хитроумнее формы организации элитной группы, тем отчётливее и продуктивнее результаты её внутренних усилий», — писали С. Беляева-Конеген и О. Алексеев / *Независимая газета*. 1993. 1 апреля.

⁵¹ Schwartzberg R.-G. *Sociologie Politique*. Paris: Montchrestien, 1988. P. 566.

⁵² Etzioni-Halevi E. *Fragile Democracy*. New Brunswic, 1989. P. 20.